

ПРИОРИТЕТЫ

ГЛАВНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ

“Нравственное воспитание – это наш национальный проект, который имеет глобальное значение” – утверждает А.Н. Муравьев кандидат философских наук, доцент факультета философии человека. Кстати, Андрей Николаевич считает, что ответственность за неудачи в сфере образования и техногенные катастрофы лежит на плечах безнравственных людей.

В чем опасность современного духовного кризиса?

Есть большое искушение выйти из того духовного кризиса, который, несомненно, идет полным ходом, некоторым силовым путем, а именно: навязав тем, кто находится в этом кризисе, в качестве единственно спасительного какое-то средство. В чем тут опасность? Навязанное средство, пусть оно, по-видимости, кажется эффективным, будет, поскольку это средство действует силой, как раз средством насаждения противоположного – не новой нравственности, превосходящей ту, которая находится в кризисе, а новой безнравственности. При этом не важно, скрыто или открыто действует силой. Вряд ли кто сегодня будет открыто прибегать к силовому способу. Силовое воздействие в наши дни может быть скрыто, оно может действовать под видом не насилия, а, напротив, как раз толерантности или еще чего-нибудь в этом роде, ибо техника манипулирования сознанием людей сейчас со всех сторон находится на высоте положения. Во-первых, ныне она детально разработана, во-вторых, признана теми, кто ее применяет, единственно эффективной формой отношения и, в-третьих, применяется с самыми верхними властями. Поэтому, если иметь в виду природу нравственных отношений, которая есть свобода, существует огромная опасность многого выхода. Чтобы это был не мнимый, а действительный исход из кризиса, те, кто в нем находится, должны сами стать более совершенными в нравственном смысле, причем это должны сделать все, ибо ясно, что не какой-то один народ или какая-то часть людей находятся в духовно-нравственном кризисе; он имеет всеобщий, глобальный характер.

«Представлять себе, что нравственность можно как-то насадить, внедрить, причем быстро и легко, нельзя. Нравственность ведь и должна восторжествовать именно потому, что она ненарушима. Если достичь ее, то не понадобится никакого-либо принуждающего к ее соблюдению механизма».

Возникает, по-моему, интересный парадокс, который касается того, что зачастую в самой власти, отвечающей за поддержание порядка в стране, преобладает безнравственность.

Да, в том кризисе, о котором мы говорим, страдают, не только подчиненные, но и те, кто руководит. Они тоже находятся в тисках кризиса. Поэтому те, кто ставит задачу нравственного воспитания народа, должны, конечно, начать ее решать с себя. На самом деле, в государственном масштабе не надо иметь уж очень много таких начинателей нравственности, нравственных светочей. Их нужно, разумеется, кроме высшего руководства страной, всего столько, сколько у нас субъектов федерации. Для начала достаточно, чтобы в каждой области губернатор вел себя нравственно, тогда все его подчиненные не смогут противостоять его примеру и воле, что уже сильно оздоравливает обстановку. Хотя и это, конечно, непостоян и небыстрый процесс.

Искусственным путем, то есть путем административной кампании по нравственному воспитанию, которая оценивается количеством проведенных мероприятий и числом охваченных ими людей, можно добиться лишь видимости успеха. Ее наш талантливый народ быстро создаст, но ведь не в этом же цель. Довольно продолжительное время те, кто у нас имеет власть, открыто выражают безнравственную

позицию, принимая и выдавая ее за нравственную. Они считают и выдают за нравственную позицию то, что является исключительно моральной – позицию отнюдь не свободного, а лишь произвольного самоназначения в рамках внешнего юридического закона. Проблема в том, что сегодня считается так технически подготовленный менеджер в любом деле может быстро и эффективно достичь цели, ибо он усвоил технику манипуляции другими людьми («в рамках закона»). Манипулирование признается не только допустимым, то есть законным, но и эффективным, хотя по сути область управления есть область свободы. Мы еще неполной чашей хлебнули от таких менеджеров. Я думаю, что авария на Саяно-Шушенской ГЭС – только начало, через некоторое время вопиющие недостатки подготовки современных менеджеров обнаружатся во всей своей остроте. Самая злободневная политическо-экономическая проблема состоит в том, что у нас решают те, кто не отвечает за последствия решений, а отвечают за них те, кто ничего не решает. Все решают так называемые «эффективные менеджеры», а ответственность лежит на непосредственных исполнителях их решений. Это самое большое препятствие для начала нравственно-воспитательной работы вообще. На Западе такого

Константина Леонтьева это заметно в меньшей степени, ибо скрыто его определенными личными убеждениями, в частности религиозными. В чем состоит этот разрыв? Классическая традиция, начиная с Платона и Аристотеля и заканчивая Гегелем, никогда не разрывала дух на изолированные друг от друга сферы морали, нравственности, искусства, религии и философии. Для классической традиции они есть ступени единого процесса образования и воспитания духа. Представители его современной мысли (разумеется, под влиянием духа нашего времени, а это эмпирический дух, дух исследования исключительно явлений) приняли явления за суть дела и полагают, что одно может быть без другого (к примеру, эстетическое – без нравственного, а религиозное – без философского), не понимая, что так кажется исключительно по явлению, а по сути – совсем не так. Если бы они усвоили классическую культуру теоретического мышления, этого не произошло бы. Кстати, они почерпнули свои представления из классической традиции, но, восприняв только ее букву, а не дух,

«Самая злободневная политическо-экономическая проблема состоит в том, что у нас решают те, кто не отвечает за последствия решений, а отвечают за них те, кто ничего не решает».

они разорвали то, что эта традиция рассматривала в неразрывной связи. По-видимости, одно может быть раньше другого, но в том-то и дело, что суть предшествующего раскрывается в последующем. Поэтому истинная нравственность без искусства, религии и философии невозможна, а вот стихийная нравственность и моральность без

человеческого, но и природного, впервые было достигнуто именно этими тремя мыслителями, отчего они и теперь являются теми, у кого можно и нужно поучиться истинной нравственности. Первый, кто смог противостоять софистам, был Сократ. Он, конечно, вошел в конфликт со стихийной нравственностью своего народа, но ныне такого конфликта быть не может, поскольку сейчас большинство народа по своему образованию само стоит на уровне софистов. Кант первым открыл и сформулировал закон нравственности, известный как категорический императив: «Человек должен поступать только всеобщим образом». Фихте же интересен тем, что первым преодолел формализм кантовского определения нравственного закона, отчего мы встречаем у него отличные разработки нравственного содержания в философии истории и философии религии. В его «Ос-новных чертах современной эпохи» и «Наставлении к блаженной жизни» дается развернутый ответ на вопрос, как разрешить основной конфликт современной эпохи. Поскольку же то, что Фихте назвал

Истинное содержание, которое есть в стихийной и исторически развивающихся морали и нравственности, искусство, религии и философии, можно спасти, только развив в сознательную форму. Без философии, конечно, этого произойти не может, но одна философия, оторванная от абсолютного содержания религии и искусств-

ва, от объективного содержания нравственности и субъективного содержания моральности, ничего сделать не сможет. Отдельной работы каждой из них недостаточно, а для их единства требуется прочное основание именно философского порядка. Только на этом основании они выступают действительно единым фронтом, вместе, а не по отдельности, когда возможны различные манипуляции сознанием и т.п.

Можно ли назвать выдавание безнравственности за нравственность некоей софистикой?

Конечно, можно и даже нужно. Но мы помним, чем кончили древнегреческие софисты: их влияние кончилось благодаря философии Сократа, Платона и Аристотеля. Современным софистам предстоит та же самая судьба – кончина от настоящей философии. Как раз поэтому они так не любят философию и всеми силами пытаются вытеснить ее из системы образования вообще.

Какие мыслители, на Ваш взгляд, достигли наибольших успехов в поисках нравственно-основания универсума?

Вот три имени, которые стоят в одном ряду: Сократ, Кант и Фихте. В их жизни и трудах нравственное основание универсума нашло наиболее яркое и свежее выражение. Оно и сейчас может быть воспринято в той неувядающей классической форме, которую они открыли для нравственного содержания. Нравственное основание всего мира, мира не только

«Этот кризис идет уже давно, не менее ста лет, но только сейчас он осознается как настоящий кризис, что, по-моему, очень хорошо, ибо по-гречески «кризис» значит суд – суд над изжившими себя формами духовной жизни: нравственными, политическими, экономическими и т.д., которые находятся сейчас в радикальном процессе самоотрицания».

В общественной палате Российской Федерации выделяют важный исходный пункт для духовно-нравственного подъема страны – национальное самосознание. Есть ли опасность возникновения национализма вместо национального самосознания?

Фихте в этой и других своих работах дает понять, как может народ стать нацией без того, что бы занять по отношению к другим народам позицию национализма. Что такое национализм? Теоретически он есть выдавание особенного за всеобщее, а практически – попытка подчинить всеобщее особенному. Именно это пытался проделать в государственной форме Третий немецкий рейх («Германия – превыше всего!») Результаты такой попытки известны всем, и повторять ее не стоит никакому народу, особенно русскому, одолевшему немцев не своим числом, хотя жертвы принесены огромные, и не оружием, которого нам как раз не хватало, а силой своего духа (чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть великолепный роман Виктора Некрасова «В

копах Сталинграда»). Фихте учит, что для возникновения нации как таковой особенность народа путем нового метода его воспитания и образования должна быть возвышена до всеобщности. Обратите внимание: именно возвышена, то есть поднята, а не уничтожена и заменена рассудочной абстракцией, как пытались сделать в советский период российской истории, когда хотели насадить интернационализм, создав некую небывалую общность людей – так называемый «советский народ». Особенность, поскольку она есть в себе всеобщая, необходимо поднять до сознательного следования всеобщему закону. Видно, что при этом неособенное выдается за всеобщее, а всеобщее получает

«Что такое национализм? Теоретически он есть выдавание особенного за всеобщее, а практически – попытка подчинить всеобщее особенному. Именно это пытался проделать в государственной форме Третий немецкий рейх».

свою особенную форму реального бытия в жизни народа, впервые ставшего нацией. Оказалось, что немцам не по плечу быть нацией, почему у них и возобладали национализм, а история дальше продолжила поиск такого народа. Я полагаю, что давние замечания П.Я. Чаадаева и Ф.М. Достоевского о всемирности характера русского народа – суть их прозрения относительно его весьма возможного будущего. Национальная спесь и гордыня нашему народу ныне не свойственны (скорее, наоборот, он склонен видеть хорошее в других народах), а тоска по мировой культуре, которая живет в нашем духе, думается мне, в процессе настоящего национального самоопределения перестанет быть только чаением, доводящим иногда до отчаяния и желания сокрушить все вокруг и самого себя. Для этого нам, конечно, прежде всего, нужно прекратить слепо копировать особенности других народов. Видно, что какое-то множество наших людей становятся как бы иностранцами в своем Отечестве, подражая сегодня англичанам или, что еще хуже, американцам. Некоторые наши государственные деятели тоже видят в них образец и пытаются внедрить у нас то, что имеет место, как они выражаются, «в развитых странах». Переимывая этот опыт, они на самом деле совершают нечто абсурдное: пытаются сделать нашим настоящим то, что уже прошло, отжило свое. Это ведь та самая трагикомическая «смесь французского с нижегородским», которую подделом выисмевала классическая русская литература. Обезьянничать можно совершенно не к лицу, как, впрочем, и всем другим народам. Требуется же как раз наоборот – развивать в нашем народе его собственные особенности, но имеющие всеобщее значение, черты до основ, на которых сознательно строится вся его жизнь. Это и будет нашим настоящим национальным самоопределением.

Как Вы думаете, имеет ли нравственность единый источник, или у каждой культуры она своя?

Многие народы видят в куль-

туре древних греков свой единый, всеобщий корень. Не лишен этого прекрасного родства и русский народ. Во-первых, благодаря характеру своего языка, который по азбуке своей непосредственно происходит от древнегреческого. Во-вторых, по своей религии, идущей от греческо-византийского православия. Вся наша культура коренится в греческой, потому что язык, религия и культура в своем историческом развитии почти совпадают. В-третьих, по той философичности, которая не в меньшей мере свойственна духу нашего народа, чем духу эллинов. Недаром в нашей стране вопреки всем препятствиям так энергично развивается сеть философского образования. Это, мне кажется,

и есть ярчайшее проявление всеобщего начала в нашем народе, которое роднит его не только с древними греками, но и со всеми другими всемирно историческими народами. На деле оно роднит его со всеми народами Земли, поскольку они тоже могут и должны преобразовать свой способ бытия из того, над которым сейчас идет кризис. Этот кризис идет уже давно, не менее ста лет, но только сейчас он осознается как настоящий, что, по-моему, очень хорошо, ибо по-гречески «кризис» значит суд – суд над изжившими себя формами духовной жизни: нравственными, политическими, экономическими и т.д., которые находятся сейчас в радикальном процессе самоотрицания.

Возможно ли избежать деятельности цензуры в интересах кого-либо из влиятельных людей?

Мне думается, что та анархия, то есть (в переводе опять-таки с греческого) безначалие, которую мы переживаем уже долгие годы и которая ныне начинает осознаваться как недопустимое состояние общества и государства, должна пройти. Это означает, что должен начаться, наконец, процесс национального самоопределения нашего народа. На самом деле именно этим обусловлены все попытки установить вертикаль власти и т.п., в том числе – возродить такой инструмент надзора за происходящими процессами, как цензура. На мой взгляд, это правильный процесс, но отнюдь не в том смысле, что сегодня в воскрешении нуждаются те формы государственного надзора, которые ранее использовались ради силового, насильственного сохранения status quo, существующего порядка вещей. Это, как я уже говорил в начале нашей беседы, недопустимо при тех задачах, которые стоят перед нашим народом и государством. Однако такая духовная инстанция, которая судит о том, что должно существовать в тех или иных областях жизни, а что должно прекратиться свое существование, совершенно необходима; причем она должна действовать именно как инстан-

ция, то есть как нечто высшее, а потому не требующее для своей деятельности насилия. Поэтому цензура сегодня должна быть не государственной, а скорее религиозной, но при этом отнюдь не церковной. Почему цензура сегодня не может быть государственной или церковной? Как раз потому, что государство и церковь сегодня есть такие организации, которые так или иначе могут принуждать. Например, до сих пор можно наблюдать характерные формы вполне средневекового церковного принуждения к определенному поведению в некоторых исламских странах – преследования, сожжение книг, вплоть до угроз физического уничтожения их авторов. Поэтому, говоря о религии, я имею сейчас в виду религию не в ее церковной, а в самосознательной, личной форме. Вот что является наилучшей и действительно необходимой сегодня цензурой. Она-то и может выступать как инстанция, сдерживающая все непотребное и негодное. Только она в состоянии действовать ненасильственно – как инстанция развитого художественного вкуса и высшего нравственного авторитета. Цензура, по моему убеждению, сегодня должна принадлежать таким людям, которые в состоянии взять на себя эту весьма нелегкую миссию: публично, ничем не стесненно, выражать от имени народа его действительные потребности и таким образом влиять на государственную власть, которая обладает исключительным правом принятия и осуществления обязательных для всех решений. В начале XX века таким человеком был Лев Николаевич Толстой, хотя тогдашние государство и церковь к нему не прислушались и даже, как мы знаем, резко осуждали его, отчего в немалой степени и произошло то, что после его ухода произошло в нашей стране и в мире. В конце XX века одним из таких людей был, например, Дмитрий Сергеевич Лихачев, который беспрецедентно выступал с открытым выражением своего отношения ко всем сторонам жизни страны на первом канале телевидения, что в высшей степени благоприятно действовало на весь народ (в том числе и на государственных деятелей) именно как проявление самосознательной личной нравственности, имеющей всеобщее значение. Именно таким авторитетным людям должна быть предоставлена сегодня общественная трибуна и лучшее время на национальном телевидении. Они, таким образом, выступая этой неформальной, не бюрократической, ненасильственной цензурой в обществе – такой, которой будут свободно повиноваться не только граждане страны, но и сама государственная власть. Так же, как в государстве в целом, следует действовать сегодня во всяком отдельном учреждении и коллективе. Это и будет решительным образом содействовать по-настоящему современному, то есть отвечающему условиям быстро прогрессирующего кризиса нравственному воспитанию всего нашего народа, и в особенности, конечно, его подрастающего поколения.

Материал подготовлен корреспондентом «ПВ» А. АФАНАСЬЕВИМ